

Аман Гали

Волки

Аман Гали

Волки

<https://litres.ru/73989348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мурату семнадцать. Вместо обещанного мотоцикла родители дарят ему щенка. Обида толкает парня в компанию уличного вожака Махача, и его примерная жизнь летит под откос. Пьянки, драки, запрещённая «травка», первая страсть — и первый арест. Чтобы искупить вину, Мурат уходит в добровольную ссылку: пастухом в глушь, на летовку, где волки выходят к отаре. Ему предстоит встретиться не только с дикими зверьми, но и с собственным прошлым, ложью и лицемерием. Сможет ли он спасти стадо, своего пса и — самого себя?

«Волки» — суровая повесть о взрослении, предательстве и прощении. О том, как легко сбиться с пути и как трудно найти дорогу назад.

Содержание

Эпилог	4
Глава 1. День рождения	13
Глава 2. Новые друзья	24
Глава 3. Джек	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Аман Гали

Волки

Эпилог

Над стылým горизонтом крадучись появился бледный серп луны, похожий на улыбку ночного неба. Его скупого тусклого света хватало лишь на то, чтобы различить чёрную извилистую дорогу — глубокой раной врезанную в белое ледяное безмолвие. По краям, точно часовые в лохматых шинелях, застыли деревья, тяжёлые от прилипшего снега.

По дороге тяжёлой, неспешной рысью бежала крупная лошадь, впряжённая в квадратные неуклюжие сани. Полозья со скрежетом резали снег. Клубы пара из её ноздрей тут же замерзали в воздухе, оседая инеем на могучей груди и спине. В санях, укутавшись с головой в огромный тулуп, дремал грузный мужчина. Не глядя на дорогу, он изредка покрикивал:

— Но, Сивка! Пошла! — и дёргал вожжи, отчего лошадь на мгновение прибавляла шаг, чтобы вскоре снова впасть в прежнюю сонную рысь.

А на задках полозьев, широко расставив ноги, стоял мальчик лет десяти. Для него в санях лежал ещё один тулуп, но он предпочитал согреваться движением. Замёрзнув, спрыгивал и бежал за санями, чувствуя, как каждая мышца живёт

в унисон с могучим бегом лошади. Для него эта поездка была путешествием. Закрыв глаза, он видел себя капитаном, а скрип полозьев и стук копыт — шумом волн и ветра в снастях корабля.

Он смотрел на небо, усеянное далёкими звёздами, похожими на осколки застывшего света, находил Большую Медведицу, а рядом — Полярную звезду, ту самую путеводную нить, что вела древних мореплавателей сквозь тьму и бездну.

Неожиданно сани высоко подпрыгнули, и у Мурата одна нога соскочила с опоры. Он едва удержал равновесие. И тут же под днищем, выгибая доски, покатилося что-то непонятное, издавая звуки, похожие на вой и визг. Наконец из-под саней выкатился большой чёрный ком, оказавшийся собакой. Она вскочила на ноги, отчаянно скуля, встряхнулась и стремглав унеслась вперёд, в темноту. То же случилось и со второй собакой. На памяти Мурата такое происходило впервые — собаки, как передовой отряд, всегда бежали впереди лошади.

Мурат бросился в сани. И вовремя: Сивка дико всхрапнула и рванула вперёд с неистовой силой. Ветер хлестнул в лицо, сбивая дыхание, и Мурат рухнул на дно. Над ним возникло перекошенное лицо дяди Лёвы:

— Держись! Сивка, родная, выноси!

Лошадь, увидев вдали огоньки села, забыла про дорогу и понесла напрямик, через сугробы и кочки. Сани бросало и крутило, как щепку в водовороте, они трещали, грозя разле-

теться вдребезги.

Но вот под полозьями захрустел утоптаный снег сельской улицы. Мимо замелькали светлые квадраты окон. Сивка, завернув за угол, ворвалась на задний двор и остановилась у стога сена.

Из-под него выскочили две виновато виляющие тени — те самые собаки. Они тыкались мордами в руки хозяина бока лошади, точно извиняясь.

— Предатели, — беззлобно проворчал дядя Лёва, стягивая с лошади упряжь. — Хозяина бросили, чтобы свои никчёмные шкуры сберечь.

Сивка спокойно жевала сено, будто ничего не случилось. Хозяин принялся обтирать взмыленную, парящую на морозе лошадь пучками сухого сена.

— Что это было? — выдохнул Мурат; голос его всё ещё дрожал.

Дядя Лёва кивнул в сторону тёмного поля, откуда они только что примчались:

— Волки. Зима, голодно. Вот и шастают у жилья. Собачье чутьё — одно из лучших. Они издали волчий дух учуяли, оттого и под брюхо лошади забились, под сани. А уж потом и Сивка их почуяла — и помчалась что есть духу.

— А если бы я свалился? Съели бы?

— Ты о таком, дружище, даже думать не смей. Разве я могу дать тебе пропасть? Я бы следом за тобой прыгнул. Лошадь, когда страх на неё найдёт, не остановишь. А вообще

волк на человека редко бросается. Врождённый страх перед двуногим в них сидит. Но голод-то, дружище, — он зверя меняет. Уж если совсем припрёт... как говорится, голод — не тётка. Кто его знает, насколько те серые оголодали.

Они ввалились в избу, окутанные морозным паром, как два белых призрака, — и тут же погрузились в густое, тёплое марево, насыщенное запахами свежего хлеба и томлёных щей. У плиты суетилась большая тётя Тамара.

— Мойте руки скорее и за стол: холодно ужас как на улице!

Разлила по мискам густой, парящий борщ. Дядя Лёва, си-нея от нетерпения, дул на ложку, сделал первый глоток и, крякнув от удовольствия, блеснул глазами:

— Мать... Для сугрева бы капельку... ну, знаешь.

— И перед ребёнком не стыдно! — ахнула она, но уже снимала с шеи ключ на верёвочке, открывала кованый сундук в углу и доставала оттуда заветную бутылку.

Дядя Лёва оживился, ухватил пробку зубами, дёрнул — она с хлопком поддалась. Он налил, выпил залпом и только потом принялся за еду. По его щекам поползли красные пятна.

— Дядя Лёва, — спросил Мурат, пока тётя Тамара накладывала ему добавку, — а почему волки людей боятся? У нас в школе говорят: люди природу охраняют, заповедники делают, в Красную книгу животных заносят...

Дядя Лёва поперхнулся, откашлялся.

— Охраняют? Говоришь? Да после того, как сами под корень всё вывели! Нет на свете зверя страшнее человека, запомни. Зверь берёт ровно столько, чтобы жить. А человеку — всё мало. Он и для забавы бьёт, и для наживы. И себе подобных-то сколько угробил — в войнах этих, где ни стариков, ни детей не щадят. А волк... Волк — он как рыцарь лесной. Самку с детьми никогда не тронет. И псу, родственнику своему, эту честь передал. Вот и вся наука.

— А какая польза от волков? — не унимался Мурат.

Дядя Лёва отложил ложку, взгляд его стал далёким.

— Всё, что создано, — не просто так. У всего своя задача. Волки — санитары. Выбирают слабых, больных, старых, чтоб стадо дикое здоровее было. Человек их истребляет, потому что у нас с ними война за добычу. Волку не растолкуешь, что овца — наша. Для него это просто еда. А домашний скот для хищника — раздолье: беззащитный. И убивают они его часто зря — не для еды, а так, будто злость вымещают. С дикими стадами так не бывает. Почему — не знаю. Ни один умный человек мне не объяснил.

Он замолчал, и в тишине было слышно, как потрескивают дрова в печи.

— А позапрошлый год... В Романовке на моих глазах волчья стая ворвалась в отару. Пять минут — и почти полсотни овец лежат, истекают. Кровь пустили — и всё. Одну только уволокли. А я... я стоял и смотрел. Без ружья. Ничего не мог сделать.

Он опрокинул рюмку, смахнул капли с губ рукавом.

— Закуси хоть! — упрекнула тётя Тамара.

Он послушно потянулся за хлебом, понюхал душистую корку и осторожно положил обратно.

— Волчьих историй у меня... их много. Одну не забуду никогда. Родителей моих, как людей непростого рода-племени, сослали во время войны в Казахстан. Я тогда совсем малой был, смутно помню. Поселили нас в глухомани. Школы в посёлке не было — ходили за десять вёрст в соседнее село. Сбивались всей гурьбой, от мала до велика, и шли пешком. Дорога петляла вдоль речонки узкой, метра четыре шириной. Когда лёд крепчал, мы брали коньки — не чета вашим, на ремешках, прямо к валенкам крепились — и катили по гладкому льду почти весь путь.

Как-то раз, в ясный день, на полпути заигрались в хоккей у разлива. Клюшки из ивы наломали, заигрались, и день — зимний да короткий — почти кончился. Тронулись домой — и тут же почувствовали на себе чужие взгляды. Семеро волков встали поперёк дороги. Мы скинули коньки и начали яростно бить железом о железо. Громкий, звенящий лязг разорвал тишину — и звери отступили. Шли так долго, но солнце садилось, а голодные глаза всё ближе подступали. И вот уже не отступают, хоть колоти коньками что есть силы. Запомнил я их вожака... Навеки. Огромный. Худой. Живот к позвоночнику прилип. Грудь широкая, мощная — намного мощнее, чем у любой собаки, хоть рёбра торчат. Из-под

шерсти — бугры мышц. Клыки белые, слюна капает на снег, а во взгляде... пустота. И знаешь, что ты для него — всего лишь тёплая туша.

Мы сжались в кольцо, малышей в середину, плакали уже все. Казалось — конец. И вдруг волки встрепенулись. Потом — рёв верблюжий. Глядим: едет дед Кастай верхом. Выстрелил — и стаю как ветром сдуло.

Потом он усадил всех малышей на верблюда и повёл его под уздцы, а сам всю дорогу приговаривал, качая головой:

— Эх, жаль патрон впустую... А как не стрелять — дело серьёзное. Порох нынче дороже золота, дробь на вес серебра. Эх, грех такой упустить... Волчья-то шкура сейчас в самый раз — и на шапку пойдёт, и на шубу — загляденье.

Дядя Лёва едва закончил, как оживлённая тётя Тамара, вся подавшись вперёд, выпалила:

— Когда ваших отсюда выселили, Лев Карлыч, я жила в этих краях, в русском селе. И помню, как казахов сюда переселяли — целым колхозом, со скотиной. Верблюды, кони, коровы, овцы — всё вплавь через Волгу переплавляли. Верблюды для нас тогда как сказочные чудища, — она смешно вытаращила глаза и продолжила: — Таких мы отродясь не видали... Тогда мы и о вашем народе не слыхивали. — Она глянула на Мурата. — Всё нам в них диковинкой было.

Она замерла с мечтательной улыбкой, будто и вправду глядела куда-то далеко-далеко, в свои молодые годы.

— Тогда волков в наших краях много завелось. Так вот,

казахи-джигиты много их тогда побили без ружей! — воскликнула она с восхищением. — На конях загоняли и забивали насмерть кнутами.

— О-о, непростые то кнуты! — зацокал языком её муж. — Это камша — кнут, плетёный из кожи, а точнее — дойыр камша, боевая плеть. У неё на конце кусочек свинца заплётён. Такой камшой твои предки, — он поглядел на Мурата, — убивали своих врагов и на охоту ходили.

— Эх, и умный же зверь — волк! — заговорил снова дядя Лёва. — Слушай, как-то случай был у нас в районе. В одном глухом селе зимой прямо с цепи собаки пропадать стали. Кобели в основном. По следам люди поняли: волки шалят. Ну, чай, охотники найдутся. Один мужик ночью слышит — пёс его цепью брякает, скулит. Вышел на веранду, глядь в окно — а за углом волчица стоит, точно распутная девица... Мужика с деньгами завлекает, ласково смотрит, хвостом виляет... Все дела! Только расплачиваться Тузику — не кошельком, а жизнью своей. Мужик в доме ружьё зарядил — благо у него двустволка — и вышел во двор. Волчица — на улицу. А там, за забором, стая поджидает, когда Тузик ошейник снимет или цепь порвёт. Ну, он и застрелил волчицу и ещё волка. После чего они больше там не появлялись.

Рассказ закончился. Дядя Лёва допил остатки водки, поставил пустую стопку и надолго замер, ссутулившись.

— «Человек человеку — волк», — прошипел он вдруг, не поднимая головы. — Врёшь. Не волк. Собака. Пёс на пса.

— Батюшки! — вскрикнула тётя Тамара, входя с мороза.
— Что ты ребёнку голову морочишь? Несчастливая у тебя доля выпала, так зачем других смущать? Родители его и так косо смотрят, что к нам ходит. А ну-ка иди, родной, домой. Тебя там ждут.

Она подхватила мужа под руку, и он, покорный, поплёлся за ней в спальню.

Мурат поблагодарил за ужин и вышел. Мороз ударил в лицо, а из-за околицы, словно откликаясь на мысли мальчика, донёсся долгий, леденящий душу вой. Ему вторили другие голоса. Но тут залаяли все сельские псы, и волчий хор потонул в этом хаосе.

Всю ночь Мурат ворочался. Сквозь сон ему всё мерещились жёлтые глаза и тот самый вой.

Глава 1. День рождения

В темноте громко загремел будильник. Мурат, не открывая глаз, потянулся к тумбочке, нащупал тяжёлый круглый корпус и выключил треск. На светящемся зелёным циферблате — ровно четыре.

Вставать.

Чтобы не разбудить своих, он, не зажигая света, вышел в сени и лишь там щёлкнул выключателем. На улице его встретила прохладная свежесть и перекличка петухов: где-то вдали и сразу рядом, в курятнике, — их Петя.

Небо на востоке уже серело, и на его фоне чётко чернели силуэты коров, похожие на разбросанные валуны. Лишь шумное дыхание да движение челюстей, пережёвывающих жвачку, выдавало в них живых существ. Осторожно ступая между коровьими лепёшками, Мурат подошёл к одной из них. Ладонь легла на тёплый бок — лёгкое настойчивое похлопывание. Корова вздохнула и, не сразу, но подчинилась, тяжело поднимаясь на ноги. Он подмыл вымя, сел на стульчик. И вот в серой застывшей тишине первая струя, тугая и звонкая, ударила по дну жестяного ведра — высокий чистый звук, разрывающий утро. А затем её сменило глухое шипение — ведро начало наполняться белой пахучей пеной.

Когда он закончил доить пятую корову, совсем рассвело. Село просыпалось: слышались дробный топот копыт, от-

рывистые окрики женщин, далёкие щелчки кнута. Распахнув калитку, он выпустил своё небольшое стадо. И тут же со всех сторон к нему потянулись другие такие же группы коров — тонкие ручейки слились в единый живой мычащий поток.

После дойки — птица: шумные гуси, вечно голодные утки и суетливые куры. А в восемь — уже надо быть на стрижке овец. Из кухни послышался шум. Он заглянул туда. Мать раскатывала тесто. Увидев его, улыбнулась, припудрила ему нос мукой с ладони и поцеловала в лоб.

— С днём рождения, сынок. Работу на сегодня брось. Гостей к обеду ждём, будем тебя чествовать.

Мурату исполнилось семнадцать лет, и родители ещё год назад пообещали подарить ему сегодня мотоцикл «Яву». В предвкушении подарка, в приподнятом настроении, он походил по двору в поисках заветного мотоцикла — заглянул в гараж, затем в сарай, но ничего не нашёл. «Ну, значит, хорошо спрятали, чтобы сделать сюрприз», — подумал он. — «Ладно, наверное, подарят при гостях».

Ближе к обеду послышался звук мотора, скрипнули тормоза, захлопали двери — приехали первые гости. Вскоре у двора образовалась целая автостоянка: машины, даже одна грузовая, мотоциклы с колясками. Гости — в основном родня, живущая поблизости, — шумно поздравляли его, кто-то даже пытался схватить за уши.

Наконец сели за стол. Первое слово дали бабушке. Она, сбиваясь с казахского на русский, поздравила внука, а затем

трясущимися руками развязала узел на старом платке, достала смятые купюры и этим же платком вытерла наворачнувшиеся слёзы.

— Вот... все деньги, которые копила. Чтобы тебе купили... компьютер. Или как там... капутер. Ну, такую вещь, что мои соседи своей дочке купили.

— Компьютер, — тихо поправил её кто-то из-за стола.

— Вот... — протянула она деньги отцу Мурата. — Если не хватит — добавьте. Я с пенсии ещё отложу. Главное, чтобы учился. Я с учительницей твоей говорила... Она говорит, золотая медаль тебе светит. Мне вот грамоты не дано было, в школу не довелось... Ты учись, родной. Пусть подарок мой поможет. Профессию хорошую выбери, отучись и будь большим начальником, как отец. Выше его!

И она подняла исхудавшую руку к потолку, показывая всю высоту своих надежд.

Слово перешло к одноклассникам. Они пришли всем своим весёлым составом: Айман, Наташа, Андрей и Саня.

— Мурат, с днём рождения! — хором поздравили они. — Пусть всё будет отлично! И чтобы все твои мечты исполнились. Оставайся всегда таким — справедливым и честным. Такого старосту класса днём с огнём не сыщешь. А ещё нам тебя как друга не хватает — ты в последнее время вечно в своих заботах пропадаешь.

И тут в разговор мягко, но властно вплёлся бабушкин голос. Она лукаво прищурилась, кивнула в сторону Айман и

сказала с одобрительной улыбкой:

— А это, поговаривают, наша будущая сноха? В глаза не видывала, а уши о красоте да уме разговоры слышали.

Айман вся вспыхнула, от смущения опустив глаза.

Дальше поздравляли по степени старшинства — дяди, тётки, двоюродные. Они говорили, по сути, одно и то же и дарили каждый раз и каждый год овцу. Овца была у всей их родни универсальным подарком — на все случаи жизни, от свадьбы до поступления. И если бы их всех не забивали на мясо, у Мурата давно была бы своя солидная отара.

Но Мурат с нетерпением ждал главного — когда слово перейдёт к родителям и они наконец подарят ему обещанный мотоцикл.

И вот отец с матерью поднялись. Они сказали красивые, тёплые слова, полные гордости. А затем отец, улыбаясь, объявил:

— И по случаю такого события, сын, мы дарим тебе щенка овчарки!

Наступила тишина. Мурат смотрел на родителей, не понимая.

— Но я же хотел мотоцикл! — тихо, но чётко сказал он. — Щенка я хотел, когда мне было десять! У всех моих сверстников есть мотоциклы! Выходит, вы меня обманули?

У матери упрямо сжались челюсти, задрожал подбородок, лицо исказилось — и из глаз вот-вот должны были политься слёзы. В такие минуты Мурат её просто ненавидел.

Всхлипнув, она сказала:

— Мы уже дарили мотоцикл твоему старшему брату. Всё тогда кончилось плохо... Он попал в аварию вместе с другом. Тот остался инвалидом, и его родители до сих пор проклинаят нашу семью.

— Я всё лето помогал по хозяйству, даже коров доил. И все каникулы подрабатывал, чтобы вам легче было купить мотоцикл.

Тут раздался удивлённый голос бабушки:

— Как это — доил коров? Айна, — строго обратилась она к дочери, — почему он доил?

— Ты же знаешь, что я руку сломала, — ответила та.

— Ты её сломала больше года назад, — тихо сказала бабушка. — Да и у тебя есть взрослая дочь. Нехорошо, когда в доме есть девушка, а коров доит мальчик.

Мурат не в силах был это больше слушать. Он, не сказав ни слова, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью, и пошёл куда глаза глядят.

В горле першило, из глаз предательски наворачивались слёзы. «Как можно нас сравнивать?» — думал он с горечью. Его брат был легкомыслен и вечно всё портил. Не раз отец в сердцах называл Дамира «Незнайкой с Луны». А он, Мурат, старался изо всех сил, но этого, похоже, никто не замечал.

Мурат шёл, утратив счёт мыслям и времени, и очнулся лишь на развилке. Налево уходила пыльная дорога к Затону, местному пляжу. Доносящийся оттуда шум — смутный гул,

обрывки музыки и смеха — говорил о многолюдной толчее. Именно этого сейчас Мурат и хотел избежать. Направо тропа вела к тарзанке — месту, запретному для малолетних в те времена, когда в селе ещё кипела жизнь.

Он прошёл через частокол старых дубов и оказался на поляне. Здесь, вздыбленные на подножках, стояли три мотоцикла. Судя по облупившейся краске и помятостям, этим железным коням довелось намотать на колёса не одну тысячу километров. Отсюда, с пригорка, вниз вилась тропка. Мурат спустился по ней — и резкая прохлада ударила в лицо.

Внизу, у самой воды, тлел костёр. Пять фигур в плавках и купальниках повернулись к нему, настороженные шумом шагов. И он узнал их раньше, чем раздался голос.

— Народ, гляньте-ка, кто пожаловал! — поднялся худощавый парень среднего роста. — Братан! Давненько не виделись. Живём-то в одном селе.

Вадим. Сосед когда-то. Гроза школы, которую он бросил, дважды оставшись на второй год в седьмом классе. Вспомнил Мурат и остальных — всё свои, всё знакомые лица из недавнего, но такого далёкого детства.

Мурат обнялся с Вадимом, пожал руки остальным.

— Присаживайся куда хочешь, — сказал Махач.

Брёвна, толстые и седые от времени, служили им скамьями. Напротив: улыбчивый Юрка-Горох и похожая на индианку Алия. Рядом — Вова-Терминатор, качок с ровным полем волос на голове. Между ним и Махачем, развалившись

на бревне, лежала Алёна. Её светлые волосы стелились по волосатому колену Махача. Она смотрела на Мурата васильковыми вызывающими глазами; облупившийся нос в веснушках делал её лицо задорным.

Когда-то Вадим заслужил кличку Махач за умение спровоцировать драку буквально на пустом месте. «Махач» — так на местном сленге называлась любая потасовка. Времена изменили его. Теперь он тянул слова с ленивой важностью и смотрел на всех с надменной усмешкой.

— Принеси пива, — Махач кивнул Терминатору.

Тот направился к воде. Всплеск, звон бутылок — и он вернулся с шестью полулитрами.

Махач открыл три бутылки жёлтой печаткой на пальце. Одну всучил Алёне, другую протянул Мурату.

— Угощайся. Хоть и говорят: неожиданный гость хуже татарина, а я, брат, очень рад тебя видеть. За встречу, — поднял он свою. — Не ожидал тебя увидеть здесь. Наслышан, ты весь в трудах и учёбе.

Глотнул. Достал пачку «Camel», прикурил от костра, глубоко затянулся.

— А мне, — капризно протянула Алёна, не меняя позы.

Махач, не глядя, сунул ей сигарету в губы, затем протянул пачку Мурату. Тот покачал головой:

— Не курю.

Через секунду вся компания дымила, наполняя поляну густым ароматным дымом.

Бросив окурок в огонь, Махач сплюнул сквозь зубы.

— Ты сюда пришёл — лица на тебе не было. Что-то случилось?

И Мурат выложил всё. Слово за словом — и с каждым ему становилось легче, будто тяжёлый камень с души катился. Закончил — и на поляну опустилась густая, давящая тишина.

— Ну и дела... — Махач помолчал. — По правде сказать, я тебе в детстве дико завидовал. Завидовал твоей семье. Тому, как они тебя опекали. Ты всегда ходил в хорошем, сытый, обутый... Я у вас частенько отсиживался, помнишь? Когда мой батя, нарезавшись, начинал мать и нас по углам гонять. А потом... потом и мать запила. Мы с сестрой тогда с воды на хлеб перебивались. Так что не всё, брат, так гладко было.

— А у меня отец пять лет назад разбился на машине. Мать после этого умом тронулась, и забота о сестрёнке с братишкой легла на мои плечи. В одиннадцать лет детство и кончилось, — сказала тихоня Алия.

— Ой, будет вам ныть! — резко оборвала Алёна. — У всех тут детство — не конфетка. Хватит грустить, давайте пить.

Она запрокинула бутылку. Мурат покорно последовал её примеру. Горькая противная пена. Он всегда ненавидел этот вкус.

Алёна, заметив его гримасу, откуда-то выудила сушёную таранку. Ловко обломил голову, сняла кожу и протянула Мурату прозрачный ломтик вяленой плоти.

— Закусывай, иначе не поймёшь.

Он откусил. Дико солёно. Сделал глоток пива — и мир перевернулся. Горечь отступила, растворившись в соли, сменившись глубоким, мягким, почти сладковатым послевкусием.

— Да, — хрипло сказал он. — Так — другое дело.

Допив бутылку, Алёна швырнула её в воду.

— Пойдёмте купаться!

Она сорвалась с места и побежала к воде.

— Кто последний — тот и мается! — крикнула на ходу и, не сбавляя скорости, нырнула прямо с берега.

Как по команде, вся компания подхватилась и бросилась за ней. Повинуясь внезапному стадному инстинкту, побежал и Мурат, на миг почувствовав себя тем самым мальчишкой, который когда-то так же нёсся к воде вместе со всеми.

Один лишь Махач не спешил. С достоинством вожака он поднялся, подошёл к самой кромке. Там, с раскидистой вербы, свисала на проволоке знаменитая палка — тарзанка. Он крепко ухватился за неё, сделал несколько шагов назад, натягивая трос, и мощно оттолкнулся.

Его тело, гибкое и стремительное, понеслось над водой. В высшей точке он выпустил палку, перевернулся в воздухе и, сложив ладони стрелой, почти беззвучно вошёл в воду.

А потом... не вынырнул. Прошла минута, другая. На поверхности расходились лишь ленивые круги. Алёна забеспокоилась первой. Она взвизгнула, пытаясь выпрыгнуть из во-

ды, — и тут же из глубины, точно русал, всплыл между её ног сам Махач. Так пришла очередь и ей маяться.

Прошло полчаса. Мокрые, довольные, они снова сидели у костра с пивом. Мурат ловил это состояние лёгкой, беспричинной радости. Он не заметил, как сгустились сумерки, и думать о возвращении домой не хотелось вовсе.

Прощались они на поляне у мотоциклов.

— Ты это, братуха, запомни, — хлопнул Махач Мурата по плечу. — Мы почти всегда тут тусуемся. Помешать может разве что погода, дождь к примеру. Приходи. А хочешь покататься — приноси бензин и езжай сколько душе угодно.

Он дёрнул рычаг кик-стартера, и мотоцикл взревел, окутав их облаком сизого дыма.

— Садись к Терминатору, он тебя довезёт.

— Нет, я лучше прогуляюсь. Тут недалеко, — ответил Мурат.

— Ну, бывай! — прокричал Махач, давая газу.

Моторы взвыли, и через мгновение он остался один в рассеивающемся облаке пыли и дыма, глядя вслед удаляющимся огонькам фар.

Когда Мурат дошёл до дома, уже совсем стемнело. От скамейки под окном к нему навстречу метнулась тонкая фигурка.

— Ну наконец-то! Где ты пропадал? Я тебя везде искала!

— На пруду был, — ответил он.

— Я и на пруду была — в Затоне тебя никто не видел. А

вот на тарзанку заглянуть не догадалась.

Приподнятое настроение Мурата сменилось усталостью: ему хотелось лишь положить голову на подушку.

Тут Айман почуяла от него запах перегара.

— Ты что пил? Если мама твоя узнает, совсем расстроится. Она и так весь день как на иголках.

— Ну, пойдём в дом. Только молчи.

Они зашли. Родители смотрели телевизор. Мурат сразу прилёг на кровать, а Айман села рядом. Тонкая футболка облегла фигуру, под тканью отчётливо проступали очертания груди — она была без лифчика.

Мурату нестерпимо захотелось её обнять. Он положил руку на её талию, а другую запустил под одежду. Ладонь скользнула по упругому прохладному холмику, но Айман тут же вырвалась.

— Если ещё раз повторится, получишь леща! — прошипела она.

Мурат привстал и резко схватил её, усадив обратно на кровать.

— Отпусти, а то закричу! — в её глазах читалась решимость.

Сомнений не было — она действительно это сделает.

Глава 2. Новые друзья

Мурат проснулся посреди ночи. К горлу подкатила тошнота; стоило лишь открыть глаза, как мир перевернулся. Желудок сжался спазмом. Он вскочил и, едва успев добежать до открытого окна, выблевал в темноту всё, что мог. После этого стало легче.

Он посмотрел на часы — до утра недалеко, скоро доить коров. Внутри него боролись чувство долга и глухая злость. И последнее победило. Он решил твёрдо: всё, хватит. Не будет он больше помогать по хозяйству и ходить на стрижку овец. Вместо этого — отдых и тусовки с новыми друзьями.

Под самое утро он провалился в тяжёлый сон и проснулся уже поздним утром. Первым делом выглянул в окно: улики его вчерашней пьянки уже склевали куры. А самое главное — с хозяйством как-то обошлись без него.

Сквозь стену пробивались приглушённые голоса с кухни. И вдруг — его имя. Мурат рванулся к столу, смахнул на пол стакан с карандашами. Пустой стакан прижал ухом к стене.

Голос отца, быстрый и настойчивый:

— Мотоцикл Мурату нужен! Обещали же. Он заслужил. И не сравнивай его с Дамиром — они разные. Мурату хоть сейчас отару доверь. Не купим — ломаем ему жизнь.

Мать — сквозь всхлипы:

— Чтобы я из-за него с ума сходила? До армии год остался

— перетерпит. Там видно будет. Ошибку делаем... Ладно, делай как знаешь.

Шаги, тишина.

Мурат упал на кровать. Злость поднималась комом в горле. Мечь. Ему хотелось мстить. Слабак. Подкаблучник. Он презирал отца за это давно — за то, что тот всегда шёл на поводу у матери, никогда не имел своего слова.

Мурат едва ступил на крыльцо, как столкнулся с сестрой Жанной.

— Где вчера пропадал? Утром коров не доил, хозяйство забросил.

— Сама бы могла справиться. Училкой работаешь, а не на двух работах пашешь, — буркнул Мурат.

— Совсем наглец! Старшим дерзить начал! — взвилась сестра.

В тени летней кухни сидел и курил старший брат Дамир. Отслужив год назад, он устроился конюхом. Сигареты ему приносила мать, скрывая от отца.

— Щас я тебе по шее навешаю! — прорычал Дамир, поднимаясь с лавки.

— Сперва догони, — усмехнулся Мурат, кивая на выпирающий живот. — Раскормили тебя как борова на убой.

— Прекратите ссориться! — раздался властный голос матери. — И займитесь наконец щенком — в коробке засиделся.

Щенок оказался крупным и серым, без намёка на поро-

ду. Во дворе стоял пустующий гараж — отец предпочитал оставлять свой УАЗик под открытым небом. Туда, в прохладный полумрак с запахом масла и пыли, Мурат и отнёс свою неожиданную обузу.

Вскоре из дома потянул вкусный запах жаркого, и мать позвала всех к столу. Мурат твёрдо решил держать лицо — ни тени обиды, всё как обычно. Как раз подкатила отцовская машина, и семья в полном составе собралась за обедом.

— Ну как щенок тебе по душе? Как назовёшь? — между подачами тарелок спросила мать.

Мурат медленно положил ложку.

— Свалился как снег на голову. Имя ему не придумывал. Можете сами назвать, если хотите. — Он перевёл взгляд на отца. — А он, кстати, совсем на овчарку не похож.

Отец, не отрываясь от тарелки, объяснил, что родители щенка — чистокровные овчарки из питомника, но сам он не прошёл по критериям породного отбора, поэтому его отбраковали.

— Вот дела, — с холодной усмешкой произнёс Мурат. — Подарок-то ещё и бракованный.

Наскоро проглотив обед, Мурат улизнул из-за стола раньше других. Крадучись, он подобрался к отцовскому кабинету, замер у двери и, убедившись, что коридор пуст, бесшумно проскользнул внутрь. Кожаный кейс на столе. Сердце — тук-тук-тук. Колеблется. Никогда не воровал у своих. Никогда. Но вчерашнее... Злость накрыла — аж жарко стало. «Са-

ми виноваты».

Руки потянулись. Щёлкнули застёжки. Тяжёлый кошелёк. Отсчитал ровно — сколько надо.

На соседней улице его ждал знакомый пейзаж. Дом из серых, в трещинах брёвен. Глухие ворота. Он потянул за знакомый шнурок, и калитка, щёлкнув, впустила его.

В центре двора, в ажурной тени старого дерева, восседал дядя Лёва. Он сидел за своим фирменным столиком-пеньком, одетый в вылинявший костюм и домашние тряпичные шлёпанцы.

— О-о, гость! — просиял старик. — Совсем мужчиной стал. А к нам, старикам своим, заглядываешь редко. Дело, значит, привело? Если так — садись, подождёшь чуток.

Мурат молча согласился. Дядя Лёва в этот момент заканчивал работу — подшивал новую кожаную латку на старый хомут. Сделав финальный стежок, он отодвинул работу на расстояние вытянутой руки, критически её оглядел, плюнул на латку, разгладил. Отложил в сторону с видом удовлетворённого мастера.

— Дядь Лёва, — выдохнул Мурат, — дай мне, пожалуйста, канистру бензина. Разбавленного, для мотоцикла. — Он поспешно достал из кармана сложенные вдвое купюры и протянул их старику, не глядя. — Бери, сколько нужно.

Морщинистое лицо дяди Лёвы выразило сначала недоумение, а потом внезапное понимание. В глазах блеснула искорка.

— Так, значит, сбылось, дружище? Мотоцикл-то? Родители порадовали? Ну, с праздником тебя, с днём рождения!

Однако радость его угасла так же быстро, как вспыхнула, стоило Мурату рассказать, как всё было на самом деле. Лицо старика стало серьёзным, почти суровым.

— Жаль, конечно... Нехорошо получилось. Только на родителей не обижайся — живые люди, ошибаются. Наживёшь своё. А вот товарищ твой... Вадим, кажется? — дядя Лёва прищурился, словно вглядываясь в прошлое. — Он мне с малых лет не по нутру. Я в нём с детства что-то неладное чувал. Мне, прошедшему через лагеря, такие вещи видны за версту. Держись от него подальше, Мурат. Не зря люди говорят: с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Помолчав, он мягко отстранил руку юноши с деньгами.

— Не надо. Пусть будет мой тебе подарок. Проходи, чайку горячего попьём, бабка Тамара обрадуется.

Но Мурат уже светился от облегчения. Всё разрешилось лучше, чем он мог надеяться! Он торопливо подхватил канистру и, крикнув на ходу «Спасибо, в другой раз!», побежал в сторону пруда — радостный, что всё вышло так хорошо: и бензин взял, и деньги сэкономил.

Лесок встретил прохладой. На поляне на подножке стоял один мотоцикл. Внизу на песке нежились на солнце Махач с Алёной. Они лежали рядышком, подставив солнцу загорелые, покрасневшие спины.

— Брат! С бензином! — сразу заметил Махач.

— А народ где?

— Да чёрт их знает...

Тут сверху донеслись звуки моторов, а когда они стихли — торопливая поступь вниз по тропе. Появились запыхавшиеся и хохочущие Горох, Алия и Терминатор. Давясь от смеха, они наперебой рассказывали, как улизнули от бригадира Лукьяныча, пока на ферме в кошарах стреляли из рогаток по голубям.

На плече у Терминатора болтался мешок. Он скинул его на землю, и Мурату показалось, что мешок шевельнулся.

— Вот, посмотрите, полный наловили! Теперь можно мяса нажарить и вдоволь наесться!

— Ой, молодцы, мальчишки! Ну что же, давайте щипать голубей — есть уже хочется, — оживилась Алёна.

Она ухватила мешок, развязала и выудила живого голубя. Птица смотрела на них одним глазом; на месте второго чернело кровавое месиво. Алёна зажала её голову между пальцами и резким рывком оторвала. Брызнула кровь. Тут же, не глядя, принялась ощипывать быющее в конвульсиях тело.

— Ну что стоите? Присоединяйтесь, щипать! — бросила она всем.

Ребята потянулись к мешку. Махач поднялся.

— Я пойду дрова собирать.

— И я с тобой, — быстро сказал Мурат. — Не люблю я вид крови.

— Конечно, пошли! — обрадовался Махач. — Вдвоём ве-

селей будет.

Они пошли в лес, и в спину им донеслось, как Алёна передразнила Мурата тоненьким голоском:

— «Не люблю я вид крови»... Интеллигент нашёлся! А кушать-то вы все любите!

Дрова поблизости уже все собрали, и они углубились в лес.

— Как с роднёй? — спросил Махач.

— Делаю вид, что норм. Отучусь, в армию — и на север зарабатывать. Чтобы с глаз долой.

— Я тоже злился когда-то, — хмыкнул Махач. — Кивал им, а делал по-своему. И не прогадал. Жизнь рано выкрутила. А сейчас время золотое — не гонят на работу. Запомни: все сказки про правду — брехня. Сила в деньгах. Кто с баблом, тот и на коне. Вот я верчусь, работаю сам на себя. Держись меня, если хочешь чего-то добиться. Мне нужны умные. А те, что на поляне... — он презрительно усмехнулся, — Горох — пустое место, прожигатель жизни. Терминатор — тупой мускул. Как в той поговорке: сила есть — ума не надо. Вот и вся их цена.

Махач показал на груди валежника под старым дубом:

— Вот это бери. Дуб дольше горит и жару даёт больше.

Они набрали полные охапки сухих веток и пошли обратно к костру.

На поляне их ждала перебранка. Алёна бурчала на Терминатора:

— Вовка, дубовая ты головка! Сколько можно говорить — не разбрасывай перья! Тебе что, приятно сидеть в загаженном месте?

— Вот кому-то жена достанется — вечно бурчит, — огрызнулся Терминатор.

— Не переживай, ты моим мужем точно не станешь, — парировала Алёна.

Горох нанизывал тушки на ивовые прутья, похожие на гигантские шампуры. А Алёна, вытирая руки, вздохнула:

— Пивка бы теперь... Эй, интеллигент! — крикнула она Мурату. — Вчера ведь твоя днюха была. Не грех бы угостить!

Вся поляна взорвалась хохотом.

— А что, — сказал Терминатор, — у нас у всех есть клички, пусть и у тебя будет.

— Не люблю я клички! — рассердился Мурат. — Я вам что, Тузик какой?

— А вот насчёт купить пива — я не против, деньги у меня есть.

— Вези его, Терминатор, — сказал Махач.

— Я сама! — Алёна уже натягивала шорты. — Они купят какую-нибудь бурду. Терминатор пьёт всё, что горит.

— Да пошла ты! — Терминатор побагровел, сжимая кулаки.

— Народ, да перестанете ли вы? — взмолилась Алия, и в её голосе прозвучала усталость. — Хоть один раз можно

отдохнуть по-человечески, без склок?

— Точняк, — поддержал Махач. — Мурат, бери мой мотоцикл. Деньги — Алёне, а ты прячься за складом, чтоб мусора не прицепились.

Мотоцикл завёлся с полпинка. Тронувшись, Мурат пару раз вильнул, лоя баланс на неровной тропе. Выехал на дорогу, крутнул ручку газа на себя. И мир резко поплыл навстречу. Стрелка легко перевалила за сотню.

И вдруг он почувствовал, как сзади что-то изменилось. Алёна, которая до этого едва касалась его спины, вдруг прижалась всем телом, обвила руки вокруг пояса и положила голову ему на плечо. От неожиданности он чуть не выпустил руль.

— Вижу, удивлён, — её голос прозвучал прямо у уха, тёплый и насмешливый. Одной рукой она показала ему простое колечко на пальце. — Видишь? Это не обручальное. Значит, я свободна. Захочу — буду с тобой. — И прежде чем он что-то понял, её губы коснулись его шеи, а руки сжали так, что стало трудно дышать.

— Ты с ума сошла! — он едва вырвался из её цепких объятий, мотоцикл вильнул. — Прекрати! Убьёмся на такой скорости!

Глухими закоулками они подъехали к магазину сзади. Алёна пошла за пивом, а Мурат остался ждать. Вскоре она вернулась с полной, звякающей сумкой.

По поляне, смешиваясь с запахом дыма, витал густой, ма-

нящий аромат жареного мяса. Слышался лишь хруст и смачные глотки — ели жадно, молча, срывая зубами куски прямо с шампуров и глуша пивом.

Тишину прервал Махач, облизывая пальцы:

— Жарить ты, Горох, мастак.

Все закивали, в том числе Мурат. Мясо и правда было отменным. Махач громко рыгнул, достал сигареты, одну сунул Алёне, вторую зажал в зубах и прикурил. Вдруг Мурату нестерпимо, навязчиво захотелось попробовать.

— Дай и мне, — обратился он к другу.

— Держи, — протянул тот пачку.

Мурат, подражая остальным, прикурил от тлеющей в костре ветки. Сделал осторожную затяжку и выпустил почти невидимое ароматное облачко.

— Ты дым гоняешь во рту, а не куришь, — тут же заметила Алёна. — Так, как ты, я курила в первом классе. Бери в себя. Вот так.

Она втянула дым так глубоко, что казалось, он исчез совсем, а потом выпустила его медленно, тонкой струйкой. Мурат послушно повторил — и в груди будто взорвалась ёмкость с кипятком и иголками. Он закашлялся, задохнулся, слёзы брызнули из глаз.

Поляна грохнула хохотом.

— Ой, интеллигент, — сквозь смех выдохнула Алёна, вытирая слезу. — Ну ты уморил! Ничего, какие твои годы — научишься.

Мурат смеялся и шутил, но в голове, как заноза, сидела её попытка поцелуя. Алёна сегодня то и дело «случайно» его задевала. И он с раздражением ловил себя на том, что сам ищет её взгляд. Конфликт с Махачем из-за девчонки был вне обсуждения. Но мысли, словно пчёлы на мёд, упрямо роем возвращались к ней, жужжа и не давая покоя.

Глава 3. Джек

Джек — такую кличку ему дал Мурат — родился в питомнике служебного собаководства непохожим на своих породистых братьев и сестёр: крупным и серым. А может, он вырос таким из-за своего зверского аппетита: жрал всё, что давали, рычал на каждого, кто оказывался рядом. Сперва расталкивал всех на пути к вымени матери — и ему больше всех доставалось молока. А потом отгонял от миски с похлёбкой. Но не прошёл породный отбор. И вместо того чтобы задерживать преступников или нести караульную службу, попал в село, где у собак две работы: сидеть на цепи, охраняя дом, или пасти скотину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.